

наго прогрессивнаго двигателя исторической жизни? А онъ могъ бы въ еще болѣе глубинѣ современной тьмы русскаго общества, еще гораздо ниже, разглядѣть, въ ихъ нравственномъ паденіи, еще болѣе позорный продуктъ нашей эпохи: это тѣ вчерашніе товарищи героизмъ-мучениковъ, которые выложили себѣ презрительное помпозованіе, цѣбуи кровавую руку императорскаго самодержавія, отваливая свое прошедшее въ православныя церкви, гдѣ славословявъ это самодержавіе, становяся сами его хвалителями и пачкавая своими присутствіемъ даже то дряблѣе общество, которое ихъ терпитъ къ своей средѣ.

Можетъ быть, тревожный поэтъ 80-хъ годовъ, взглядыишъ въ современность съ тѣмъ художественнымъ угадываніемъ, которое его характеризовало, не удостоилъ бы всѣ эти общественныя болячки нашего времени слишкомъ тщательнаго разбора, но остановился бы охотнѣе на томъ, за что борется небольшое меньшинство русскіхъ людей, которые составляютъ единственный живой элементъ будущности нашего отечества: на тѣхъ завѣтахъ прошедшаго и настоящаго, которые были смутны для людей 80-хъ годовъ, но теперь ярко горятъ надъ историческимъ міромъ.

Русскій развитой человѣкъ 90-хъ годовъ унаследовалъ отъ своихъ общечеловѣческихъ предковъ и непосредственныхъ предшественниковъ три заповѣди, отъ которыхъ онъ не имѣетъ права отречься, не отказываясь въ то же время

отъ исторической жизни человѣчества послѣднихъ вѣковъ; не измѣнивъ своей обязанности служить своему народу, требующему отъ разнѣтъ своихъ членовъ усилённой работы для завоеванія ему каждаго мѣста въ современной исторіи; не отрекаясь отъ того движенія, киващаго теперь во всемія міръ, которое одно можетъ открыть лучшее будущее для насъ, точно такъ же, какъ и для всѣхъ народовъ.

* *

Русскій развитой человѣкъ унаследовалъ отъ поколѣній, создавшихъ новую европейскую цивилизацию, неустрашимое историческое требованіе, что новое европейское общество есть общество *свѣтское* и *только* свѣтское; что его теоретическую основу можетъ быть только критическая научная мысль; что эта мысль непримирима ни съ какою уступкою религіознымъ переживаниямъ, метафизическимъ построеніямъ; что научная философія, съ ея реальнымъ пониманіемъ міра и человѣческаго общества, съ ея борьбою противъ всѣхъ признаковъ, есть единственный слогъ не только всякаго, достойнаго нашего времени, прогресса мысли, но единственная прочная почва правильной борьбы съ политическими злостоятъ, съ экономическою эксплуатацией и со страдающими рабочими миллиономъ. Вопросъ о религіи и метафизикѣ не есть теперь даже вопросъ борьбы фанатическихъ партій; антирелигіозный фанатизмъ въ наше время